

Сергей Ю. СОЛОДОВНИКОВ

Белорусский национальный технический университет

Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: категориальная субординация

Анотация: В статье на основе междисциплинарного подхода раскрывается взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц. Раскрывается природа, функциональное назначение и механизмы жизнедеятельности этих феноменов. Предлагается стратегия усиления продукционного эффекта рыночной системы Беларуси за счет наращивания и оптимизации использования институционального и социального потенциалов на основе формирования новой нравственной социально-экономической культуры.

Введение

Взаимообусловленность таких феноменов как цивилизация, культура, экономическая система и институциональные матрицы даже на первый взгляд очевидна и в современной науке не подвергается сомнению. Вместе с тем при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук (что можно было бы списать на различия в предметах этих дисциплин), но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений, вплоть до требований вообще отказаться от исследования институциональных (социальных) факторов в рамках экономической теории (предлагается ограничиваться изучением лишь материально-вещественных и финансовых факторов). Целью работы является раскрытие основных принципов категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической

системы общества и названных матриц. При этом, учитывая то, что всесторонне охватить любой из названных феноменов в рамках одной работы невозможно, автор оставляет за собой право ограничивать глубину своего исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения.

В качестве гипотезы данной статьи выступило предположение автора, что предлагаемый им подход способствует выработке единой методологической базы (опирающиеся на научные достижения XX–XXI века), позволяющей системно исследовать в политической экономии такие явления как культура и цивилизация. В качестве научных методов выступили классический системный подход, синергетическая социальная парадигма и институциональный анализ.

1. Феноменологическая и категориальная природа цивилизации

Термин «цивилизация» начал использоваться в произведениях западно-европейских философов (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759г.) [1, с. 85; 2, с. 85; 3, с. 3] со второй половины XVIII в. (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.; Фергюсон, 1759г.) и первоначально имел значение, подразумевающее «...культурное состояние общества, противопоставляемое варварству» [3, с. 3]. В настоящее время можно разграничить не менее пяти основных значений категории «цивилизация»:

во-первых, когда понятие цивилизации отождествляется с понятием культуры. Так, первый том французского коллективного труда «Французская предыстория», который посвящен первобытному обществу, называется «Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции», аналогично использует понятие «цивилизация» находим М.Габори в работе «Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом» [4] и т.д.. При таком подходе происходит отождествление «цивилизаций» с первобытными археологическими культурами, что лишает термин «цивилизация» какой-либо самостоятельности» [3, с. 4] Одна из причин такого отождествления то, что «в отличие от немецкого и русского языков во французском – понятия «цивилизация» и «культура» жестко не разведены» [5, с. 919];

во-вторых, когда понятием цивилизации, вслед за Л.Г. Морганом [6, с. 9–29], определяют наивысшую стадию развития общества, следующую, за первобытными стадиями дикости и варварства. Гносеологический недостаток этого подхода, исторически правомерного, является то, что он не позволяет раскрыть причины, «...по которым высшая стадия общественного развития реализовалась именно в феномене городской

культуры» [3, с. 4], с которой термин «цивилизация» связан этимологически: лат. *civis* «гражданин», *civitas* (синоним *urbs*) [7, с. 259] «город» и т.д.;

в-третьих, когда понятием цивилизация обозначают «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени» [5, с. 919]. Названный подход представляется нам излишне широким, который не позволяет четко раскрыть специфику категории цивилизация;

в-четвертых, когда термином цивилизация обозначают «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней. В риториках и полемиках публицистическо-пропагандистского уровня слово «цивилизация» обычно исполняет роль позитивного компонента конфликтной диады «Свои» – «Чужие» («Мы» – «Они»)» [5, с. 919]. При названном подходе введение категории цивилизация, с научной точки зрения, излишне, поскольку вполне может быть заменено иным, более корректными (применительно к названной смысловой нагрузке) терминами;

в-пятых, когда цивилизация определяется как предметная форма структуры общества разделенного труда, материализованная из социально-интегративных интересов в форме города [3, с. 4–5]. Автор согласен с Н.В. Клягиным, что «социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина «цивилизация» удастся показать исторически закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции» [3, с. 5]. То, что при таком подходе «зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, – в понимании Н.В. Клягина, – коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития технологии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации» [3, с. 5], позволяет нам считать его сегодня наиболее приемлемым для политэкономического исследования проблем возникновения и последующего развития общественного разделения труда. Позитивным является и то, что такой подход позволяет обосновывать «...предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории» [3, с. 5]. При этом под технологией Н.В.Клягин понимает «набор

стереотипных приемов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного продукта» [3, с. 5–6].

Очевидно, что понятие цивилизации неразрывно связано с понятием культуры. Под культурой, вслед за В.С. Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься, «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамики они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности- всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития» [8, с. 524]. Оставаясь в рамках приведенного определения и практически конкретизируя его Н.В. Клягин предлагает понимать под «культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных» [3, с. 6].

Такое понимание культуры позволяет связать ее напрямую с экономической системой общества. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Экономическая система общества – это культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно

самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Основу функционирования экономической системы составляют трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда.

Соответственно, одновременного с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики, возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы.

2. Сущность и атрибутивные признаки институциональных матриц

В настоящее время при исследовании институциональных матриц гносеологически перспективным представляется методологический подход, опирающийся на три исходных теоретических постулата. «Во-первых, она (*гипотеза об институциональных матрицах – С.С.*) разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-третьих, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию» [9, с. 26–27]. Такой подход, допустимый при социологическом исследовании, не достаточен в рамках современной политэкономии.

По нашему мнению для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией) необходимо по новому сформулировать гипотезу об институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъектный (но не субъективный) подход рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонификацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами, разной степени интегриро-

ванности. В-третьих, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-четвертых, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признается тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон» [11, с. 6] и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

Начиная со второй половины девяностых годов прошлого века в российском обществоведении началось осознание необходимости методологического прорыва в исследовании социальных явлений, связанного, прежде всего с преодолением относительной ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм. Так С.Г. Кирдина следующим образом ставит этот вопрос: «Возможно ли методологически корректное разрешение этой дилеммы (*ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм – С.С.*)? Существуют ли связи причинного характера между институциональной и социально-групповой структурами общества? Каковы пределы их влияния друг на друга? В каком соотношении находятся институциональная система и социально- групповая структура общества? И если допускается наличие связей причинного характера между ними, почему до сих пор не удается эти связи четко, на строгом понятийном уровне обозначить и проанализировать?» [9, с. 37–38]. В рамках белорусской экономической теории автор в свое время касался проблем, непосредственно соприкасающихся с заявленной С.Г. Кирдиной проблематикой, в частности при формулировании авторской концепции трансформации социально-классовой структуры общества Республики Беларусь и теоретико-методологическое обоснование государственной экономической политики по реализации этой концепции [12; 13; 14; 15; 16]. На сегодняшний день многие из уже имеющихся у нас методологических наработок, в частности разработанный понятийный аппарат, может быть эффективно применен при раскрытии методологических проблем персонификации институциональных матриц.

При дальнейшем рассмотрении институциональных матриц, исходя из специфики предмета политической экономии («политическая экономия – наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно

оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи» [5, с. 634]), основное внимание следует уделять изучению устойчивых, существующих как рамки для социально-экономического поведения, глубинных институциональных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития общества. При этом большое внимание необходимо также уделять персонификации институциональной матрицы, т.е. социально-экономическим и социальным субъектам. Это означает, что выработанная методология позволит ученым экономистам ответить на вопросы о том, могут ли социально-экономические субъекты воздействовать и как воздействуют на институциональную структуру, как, в свою очередь, институциональная структура формирует экономическую систему и социально-классовую структуру общества.

В настоящее время многими авторами справедливо выделяются две крупные тенденции в рассмотрении институтов. Первая тенденция заключается в том, что институты становятся объектом все большего числа общественных наук. Вместе с тем, «до середины XIX века институты изучались в основном правоведами и понимались как сугубо юридические установления. На рубеже XIX–XX веков институты были включены в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии» [9, с. 41]. Э. Дюркгейм, например, рассматривал институты как определенные способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивидуума [17, с. 20]. В двадцатых годах прошлого века социальные институты попадают в поле зрения ученых экономистов, что нашло свое выражение в формировании институционального направления в политэкономии (Т. Веблена, Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и др.), когда институты стали рассматриваться как образцы и нормы поведения [18, с. 89–154], привычки мышления [19, с. 104], оказывающие влияние на выбор стратегий экономического поведения, наряду с мотивацией рационального экономического выбора. Неоинституциональное направление, активно заявившее о себе в четвертой четверти двадцатого века придало категории экономический (социально-экономический) институт более широкий смысл, предложив рассматривать институты как важнейшие факторы субъектных экономических взаимодействий. Так, согласно хрестоматийному определению Д. Норта, институты – это «правила игры»

в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере или экономике [20, с. 16]. Современная западная социология придерживается аналогичных подходов, рассматривая институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» [21, с. 117]. При этом их отличие от институциональной экономики заключается в акцентировании внимания на значении института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему [9, с. 42]. В настоящее время институциональные исследования развиваются также в экономической истории, культурологии, антропологии и т.д.

Вторая тенденция в изучении институтов, тесно связанная с первой – это дальнейшая разработка и углубление понятия «институт», что обусловлено расширением междисциплинарных подходов в институциональных исследованиях. «В изучении институтов все более очевидным становится, – отмечает С.Г. Кирдина, – движение вглубь, от тех феноменов, которые лежат на поверхности, к поиску лежащих за ними сущностей, к рассмотрению институтов как характеристик внутреннего устройства, предопределяющих закономерности развития общества и обеспечивающих его целостность» [9, с. 42]. Эта тенденция отражает общие закономерности современных обществоведческих исследований, которая заключается в усилении (и признании этого наиболее крупными учеными) эвристического значения междисциплинарных подходов и исследований. По сути дела сегодня ни одно экономическое исследование, претендующее на постижение закономерностей развития экономической системы общества, международных социально-экономических отношений, национальных экономических моделей и т.д. не может претендовать на истинность, если наряду с макроэкономическими исследованиями (и иными чисто «экономическими» подходами) не использует последние достижения социальной истории, философии, социологии, политологии и т.д.

В последние двадцать лет социально-экономические и экономические институты начинают активно исследоваться российскими, украинскими и белорусскими экономистами. Первоначально категория института заимствуется ими напрямую из новой институциональной экономической теории и выступает одним из методологических средств изучения рыночных преобразований. Однако достаточно быстро возникает необходимость осмысления и уточнения институционального подхода применительно к анализу отечественных проблем. Успешным примером этому могут служить, в частности работы В.Л. Тамбовцева [23; 24]. В данной работе, на наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на истории этого уточнения, хотя она, безусловно, являет собой иллюстрацию гносеологически интересных попыток (в ряде случаев

достаточно успешных) последовательного теоретического осмысления целым рядом наук одного социального феномена, что потребовало от добросовестных исследователей применения междисциплинарных подходов, что способствовало существенному прогрессу обществоведческой методологии.

В качестве общего определения социального института нами будет использоваться удачная дефиниция, изложенная в книге «Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия» [5], где под названным институтом понимается «относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. Социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп... Основные функции, которые выполняет социальный институт.: 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль. Деятельность социального института определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. Социальные институты могут быть охарактеризованы не только с т.зр. их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. Социальный институт – это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию» [5, с. 786]. При этом в настоящее время установлено, что успешное функционирование социальных институтов связано с наличием в их рамках целостной системы стандартов поведения конкретных индивидов в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения закрепляются в обычаях, традициях, правовых нормах и т.д. «В ходе практики возникают определенные виды социальной активности, причем правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность, концентрируются в определенную легитимированную и санкционированную систему, обеспечивающую в дальнейшем этот вид социальной деятельности. Такой системой и служит социальный институт. В зависимости от сферы действия и их функций институты подразделяются на а) реляционные – определяющие ролевую структуру общества в системе отношений;

б) регулятивные, определяющие допустимые рамки независимых по отношению к нормам общества действий во имя личных целей и санкции, карающие за выход за эти рамки (сюда относятся все механизмы социального контроля); в) культурные, связанные с идеологией, религией, искусством и т.д.; г) интегративные, связанные с социальными ролями, ответственными за обеспечение интересов социальной общности как целого» [5, с. 786]. При этом развитие социальной системы может быть сведено к эволюции социальных институтов и субъектов их персонафицирующих.

Исходя из такого подхода, на наш взгляд, следует согласиться с замечанием С.Г. Кирдиной, что «С точки зрения объективистской парадигмы и системного подхода, при котором исследования направлены на выявление институциональной структуры, определяющей характер и направленность взаимодействия социальных групп,.. основная задача состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Поэтому теория институциональных матриц трактует институты – они названы базовыми – как *глубинные, исторически устойчивые в постоянно воспроизводящиеся социальные отношения (выделено мной – С.С.)*, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ. Базовые институты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою само достаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов» [9, с. 47]. Названная трактовка социальных институтов соответствует подходу разработанному еще Т. Веблена, которым отмечал, что «сами институты – не только результат процесса отбора и приспособления, который формирует преобладающие ... духовные качества и способности; они в то же время представляют собой особые формы жизни и человеческих отношений, а потому являются, в свою очередь, важнейшими факторами отбора» [24, с. 188]. Основу любого социума составляют базовые институты, которые «...образуют остов, скелет общества» [9, с. 48] и «задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий» [9, с. 48], т.е. регулируют основные сферы общества и представляют собой «устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распасться» [9, с. 60]. Эти институты возникают естественно-историческим образом и обладают значительной устойчивостью, в том числе и к изменениям внешней среды. В свою очередь «институциональная матрица – это форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума – экономике, политике и идеологии» [9, с. 60]. Для современных институциональных подходов в экономической теории характерно признание важности

эндогенных факторов (в том числе и технико-технологического) для формирования институциональных структур и, соответственно, экономических систем общества.

Вместе с тем, не смотря на то, что научная традиция рассмотрения материально-технической среды как важнейшего фактора, обуславливающего границы возможных трансформаций общества, восходит еще к К. Марксу и Ф. Энгельсу, в современной экономике нет четкого представления о механизмах этого ограничения. Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что помимо собственно гносеологических сложностей, естественно возникающих при исследовании этого вопроса, так же возникают проблемы присутствия в научном сообществе откровенно ангажированных «научных» работ посвященных безоговорочной апологетике западной экономической модели развития и быстрых («шоковых») путей «успешного» перехода к ней [25, с. 233–237]. Поскольку последние направлены на обслуживание (создание благоприятных условий) определенных монопольных социально-экономических интересов, а не на раскрытие сущности социально-экономических явлений, то в данном очерке они рассматриваться не будут.

На сегодняшний день следует признать перспективным подход к рассмотрению влияния технико-технологической структуры общества на институциональную через использование понятий коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды. Впервые гипотеза об определяющем, решающем влиянии коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды на тип институциональной структуры общества была высказана в 1996 году [26, с. 22–24] и с тех пор был успешно развит в трудах С.Г. Кирдиной. В качестве одного из основных постулатов этой гипотезы выступает предположение, «...что коммунальная среда формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы, в то время как некоммунальная среда обуславливает становление институтов рынка, или обмена» [9, с. 80]. При этом С.Г. Кирдиной подчеркивается, что «...коммунальность (или некоммунальность) материальной среды является не столько внутренне ей присущим, сколько общественным свойством, т.е. проявляющимся в ходе взаимодействия общества с этой средой. Сами по себе природные условия или технологические комплексы не реализуют названных общественных свойств, они проявляют, выражают или приобретают их в процессе вовлечения в хозяйственный оборот и социальную жизнь... Коммунальность материально-технологической среды подразумевает ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого целого, состоящего под общим управлением. Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом – исторически первичным

условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, применяемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует *закон экономии транзакционных издержек* (выделено мной – С.С.), который, в конечном счете, определяет формирование соответствующих экономических, политических и идеологических институтов» [9, с. 80]. При этом, как справедливо отмечает названный автор, коммунальная среда может функционировать только в форме чисто общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям» [9, с. 80].

3. Особенности взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц на евразийском социально-экономическом пространстве

Особенностью Евразийской социально-экономического пространства является наличие стран, в границах которых сосуществуют зоны некоммунальной и коммунальной материально-технологической среды (например: Беларусь, Украина). Такое положение дел вызывает дополнительные сложности при государственном конфигурировании (модернизации) экономических систем в этих обществах, является дополнительным фактором социальной напряженности. В этих условиях одной из главных задач социально-научного сообщества является помощь государству, всем здоровым силам общества в стремлении избежать трансформации объективно возникающих социально-институциональных и психологических противоречий в региональные антагонистические конфликты, ведущие к расколу общества и усилению неоколониального влияния на эти государства стран золотого миллиарда.

В рамках постсоветского пространства политическая, духовная, социально-экономическая консолидация стран сегодня во многом затруднена не наличием объективного несовпадения у них некоторых экономических интересов (экономические интересы полностью не совпадают даже в семьях), а отсутствием у руководства Российской Федерации системной геополитической доктрины. Названная доктрина должна включать в себя: определение своих стратегических союзников; проведение дифференцированной политики по отношению к соседним государствам; политико-экономическую (а не монетарно-кудринскую)

оценку эффективности решений по формам и механизмам социально-экономического взаимодействия, интеграции, а в ряде случаев и помощи странам-союзникам. Отсутствие такой стратегии, дополняемое государственным лоббированием российским руководством интересов некоторых олигархических групп, стремящихся максимизировать свою прибыль за счет экономик соседних стран, не только не отвечает национальным российским политико-экономическим интересам, но и ведет к формированию негативного образа России у населения стран, которые пытаются грабить.

Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций. Последние выходят из под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК, возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено).

Создание надгосударственных экономических образований, стремящихся к переделу существующих и захвату новых рынков, не является изобретением нашего времени. Как показывает история данный процесс всегда сопровождался усилением межгосударственных и иных антагонизмов, а также отсутствием ограничений в средствах и формах борьбы за экономическую (а, соответственно, политическую, духовную, военную и т.д.) гегемонию. Например: борьба греческих (византийских), армянских, мусульманских (арабских и иранских) и еврейских купцов за господство в международной торговле в VIII–X веках вылилось не только в попытки названных торгово-финансовых группировок устанавливать выгодные им (прежде всего экономически) режимы в тех или иных странах и в усилении кровопролитных межгосударственных войн, не отвечающих интересам ни одной из воюющих стран (например: войны киевских князей с половцами в X–XI веках), но и в усилении идеологического противостояния как между этносами и государствами, так и внутри их (естественно, что в то время это принимало религиозную форму). В XIII веке купцы-рахдониты для установления своего господства над Великим шелковым путем, а также для того, чтобы пресечь локальные войны в зоне их торговых интересов и установить там режим «мира как отсутствие войны» финансируют оснащение монгольской армии и делают материально возможным победоносный поход орд Тэмуджина.

Однако современная эпоха добавила много нового в этот процесс. Прежде всего это то, что социально-экономические субъекты, стремящиеся к господству в планетарном масштабе или к доминированию в крупных регионах для оптимизации условий своей экспансии предпринимают значительные (в том числе и финансовые) усилия для уничтожения

культурного, человеческого, административного и социального капитала в социально-экономических системах – объектах проникновения. При этом на государственном уровне могут использоваться следующие средства: экономические («свободная рыночная конкуренция» и т.д.); социально-этические; политические; военные и некоторые другие. Крупные иностранные предприятия, головные офисы которых находятся в регионах с некоммунальной материально-технологической средой и соответствующей ей культуре, открывая свои представительства в странах с коммунальной материально-технологической средой, стремятся к навязыванию своих корпоративных «этических» норм, которые позволяют не только сформировать у части своих сотрудников стиль поведения чуждый местным традициям, но и накопить определенный «корпоративный» социальный капитал, который будет выступать как элемент дестабилизации национальной социально-экономической системы. Оговоримся, что хотя в условиях социально-экономической глобализации и возрастает возможность и вероятность влияния на национальную социально-экономическую систему и на экономическую эффективность социального капитала в обществе зарубежных социально-экономических субъектов, но главным в любом социуме по-прежнему остается сформировавшийся баланс интересов. Последние, как известно, могут носить трудовой, монопольный, уравнилельный и собственно-социальный (системный) характер. Все эти интересы присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации, в зависимости от того какие из них в данный момент доминируют всей системы политических и экономических отношений.

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать следующие значимые выводы:

Доказано, что правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. В свою очередь экономическая система общества – это культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение

и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Одновременного с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики, возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы. Выявлены закономерности взаимозависимости динамики и высокой степени диссипативности таких социальных явлений как культура, институциональная и материально технологические среды. Названный тезис обозначает что устойчивые, существующие рамки для социально-экономического поведения, глубинные институциональные структуры, становление которых обусловлено материально-технологическими условиями возникновения и развития общества, неразрывно связаны (взаимообусловлены) не только с субъектными структурами их персонифицирующими, но и с культурой.

Установлено, что особенностью Евразийской социально-экономического пространства является наличие стран, в границах которых сосуществуют зоны некоммунальной и коммунальной материально-технологической среды (например: Беларусь, Украина). Такое положение дел вызывает дополнительные сложности при государственном конфигурировании (модернизации) экономических систем в этих обществах, является дополнительным фактором социальной напряженности. В этих условиях одной из главных задач социально-научного сообщества является помощь государству, всем здоровым силам общества в стремлении избежать трансформации объективно возникающих социально-институциональных и психологических противоречий в региональные антагонистические конфликты, ведущие к расколу общества.

Литература

- [1] Клягин, Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект) / Н.В. Клягин. – М.: Институт философии РАН, 1996. – 148 с.
- [2] Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 452 с.
- [3] Афанасьев, Ю.Н. Понятие «цивилизация» во французской историографии / Ю.Н. Афанасьев // Цивилизация и исторический процесс. – М., 1983. – 182 с.
- [4] Gabori, M. La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique / M. Gabori. – Budapest, 1976. – 234 p.
- [5] Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 с.

- [6] Морган, Л.Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган, 1934. – 132 с.
- [7] Тронский, И.М. Очерки из истории латинского языка / И.М. Тронский, 1953. – 367 с.
- [8] Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 543 с.
- [9] Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – 308 с.
- [10] Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 189 с.
- [11] Герасимов, Н.В. Экономическая система общества: генезис, структура, развитие / Н.В. Герасимов. – Минск: Наука и техника, 1991. – 180 с.
- [12] Солодовников, С.Ю. Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода / С.Ю. Солодовников. – Минск: БГЭУ, 1999. – 150 с.
- [13] Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. – Минск: Право и экономика, 2003. – 274 с.
- [14] Солодовников, С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 303 с.
- [15] Солодовников, С.Ю. Современная социозкологическая динамика Республики Беларусь в контексте экономической безопасности / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 503 с.
- [16] Никитенко, П.Г. Социодинамика Беларуси, России и Украины: политико-экономический аспект / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 557 с.
- [17] Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 325 с.
- [18] Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен. – М.: Прогресс, 1968. – 298 с.
- [19] Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. — М.: Прогресс, 1984. – 376 с.
- [20] Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 238 с.
- [21] Современная западная социология, 1990. – 467 с.
- [22] Тамбовцев В.Л. Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика, 1996. – № 5.
- [23] Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность, 1999. – № 4

- [24] Veblen T. Theory of the Leisure class. N.-Y. 1899
- [25] Солодовников С.Ю., Черныш С.Л. Мозговые центры Запада// Наш современник, 2008. – №12
- [26] Бессонова О.Э., Кирдина С. Г., О’Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

Civilization, Culture, Economic System of Society and Institutional Matrix: Categorical Subordination

Summary: The article, based on a multidisciplinary approach, reveals the interdependence of civilization, culture, society and economic system of institutional matrices. The nature, functionality and life mechanisms of these phenomena are also disclosed. It proposes a strategy to strengthen the effect of a production of market system in Belarus by increasing and optimizing the use of institutional and social potentials based on the formation of a new moral socio-economic culture.